

отражает его статус главного города северной части Древнерусского государства, который он приобрел незадолго до середины X в.

Добавление двух городов – Изборска и Белоозера – где сели княжить братья Рюрика, а также чуди в список племён наилучшим образом соответствует политической ситуации периода новгородского княжения Ярослава до смерти Владимира. Результаты археологических исследований всех трёх городов подтверждают возможность их включения в летописный рассказ в указанное время и препятствуют буквальному пониманию сюжета о трёх столицах варяжских князей IX столетия.

---

## **Понятие «географические открытия» и его применимость к российским реалиям XVII в.**

*Николай Никитин*

### **The concept of «voyages of discovery» and its applicability to Russian realities of the XVII century**

*Nikolay Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)*

История освоения нашей планеты человеком изобилует спорами о приоритетах в открытии различных «географических объектов» – от островов, рек, озёр до континентов. Самый известный и распространённый из таких споров касается вопроса о том, «кто же открыл Америку». Приоритет Христофора Колумба в столь важном для мировой истории событии оспаривается давно и небезуспешно: знаменитого генуэзца на пьедестале уже потеснил норманнский мореплаватель Лейф Эрикссон, достигший Североамериканского материка не в 1492 г. (как Колумб), а около 1000 г., и в США, наряду с днём Колумба, уже полвека вполне официально отмечается день Эриксона<sup>1</sup>. В литературе часто встречаются утверждения, согласно которым задолго до викингов в Америке побывали этруски, финикийцы, ирландцы, китайцы, японцы, а позднее, но тоже до Колумба, полинезийцы, арабы, бристольтские моряки и бискайские рыбаки<sup>2</sup>. Степень обоснованности таких утверждений, естественно, разная и явно недостаточная для официального признания, но тем не менее она даёт пищу для бесконечного продолжения дискуссий.

Оспариваются приоритеты и по поводу многих других, пусть и не столь значимых, географических открытий. Например, ставятся под сомнение заслуги португальского мореплавателя Васко да Гамы, проложившего путь в Индию вокруг Африканского континента в 1498 г. Утверждают (и не без оснований), что западное побережье Африки до мыса Доброй Надежды было обследовано

---

© 2016 г. Н.И. Никитин

<sup>1</sup> Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 12.

<sup>2</sup> Там же. С. 13–16.

теми же португальцами до Гамы, а путь вдоль её восточного побережья был к тому времени хорошо известен арабам<sup>3</sup>.

Обратившись к российской истории, мы тоже можем попасть в область подобных дискуссий. Довольно остро реагируют некоторые исследователи на утверждения зарубежных коллег о том, что в ходе поисков северо-восточного прохода в Китай англичане в 1553 г. случайно открыли путь в Московию вокруг Скандинавского полуострова. Член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов, возмущённый тем, что такое утверждение попало даже в наш школьный учебник (изданный в 1947 г.), называл первооткрывателями этого пути русских – Григория Истома (совершившего в 1496 г. плавание из устья Северной Двины в Копенгаген), Василия Власова (прошедшего тем же путём в Испанию), Дмитрия Герасимова (трижды добиравшегося этим маршрутом в Норвегию и Данию)<sup>4</sup>. Долгое время считалось бесспорным, что первое сквозное плавание северо-восточным путём вдоль арктического побережья России совершил шведский полярный исследователь Адольф Норденшельд в 1876 г. Он и сам называл себя первым, кто обогнул морем северную оконечность Евразии – мыс Челюскин. Но некоторые исследователи его приоритет оспаривают на том основании, что в 1940–1941 гг. восточнее мыса Челюскин – в заливе Симса и на островах Фаддея – были обнаружены следы лагеря русских мореходов, погибших там в XVII в.<sup>5</sup>

Немало споров в историографии и по поводу географических открытий на северо-западной оконечности Американского континента (на Аляске). То, что первыми из европейцев её достигли русские, вроде бы общепризнано, но вопрос о том, *когда* это произошло, давно и оживлённо обсуждается. Высказываются предположения, что русские могли поселиться на Аляске задолго до её бесспорного достижения экспедицией И. Фёдорова и М. Гвоздёва в 1732 г. и официального открытия экспедицией В. Беринга и А. Чирикова в 1741 г., поскольку вплоть до конца XVIII в. на востоке Сибири ходили и были не раз зафиксированы во вполне надёжных источниках довольно правдоподобные слухи об издавна и компактно проживавших на Аляске русских (или во всём подобных русским) людях. Кроме того, миссионерами была записана легенда о группе новгородцев, которые, бежав от гнева Ивана Грозного, якобы добрались северным морским путём до Аляски, где и остались навечно. Некоторые исследователи, правда, полагают, что речь в данном случае должна идти не о новгородцах, а о спутниках знаменитого землепроходца Семёна Дежнёва,

<sup>3</sup> Ефимов А.В. Введение // Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. М., 1964. С. VI.

<sup>4</sup> Ефимов А.В. Из истории... С. 24.

<sup>5</sup> Исследователи определяют время гибели этой экспедиции по-разному: 1615–1617, 1619–1620, 1686–1687 гг. Высказывалось также мнение, что она направлялась не с запада на восток, а в обратном направлении и, стало быть, северную оконечность Евразии не огибала. Однако отмечу, что в лагере погибших мореходов было обнаружено довольно много денег (около 3,5 тыс. монет), а также специфически «туземные» товары (предназначенные для торговли с аборигенами) – бисер, бусы, перстни, колокольчики и т.п. Вести такую «казну» из Сибири в Европейскую Россию и даже в западнее расположенные («старые») сибирские города было бы абсурдно: она явно предназначалась для приобретения пушнины или «рыбьей кости» в слабо освоенных районах за Уралом. О промысловой колонизации Сибири и «таймырской находке» см.: Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972; Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древних времён до 1917 года. М., 1971. С. 114–115; Белов М.И. Мангазея. Л., 1969. С. 107–118; Свердлов Л.М. Таймырская загадка. М., 2001. С. 22–26; и др.

которые во время исторического плавания вокруг Чукотского полуострова в 1648 г. были унесены бурей в открытое море и пропали, или же об участниках других русских экспедиций XVII в. в этом регионе, также сгинувших в морской пучине<sup>6</sup>. Никакого русского поселения XVII – первой половины XVIII в. на Аляске найти не удалось<sup>7</sup>, тем не менее следы давнего пребывания русских людей на северо-западе Американского континента авторами некоторых работ усматриваются, например, в облике отдельных представителей аборигенного населения региона конца XVIII в., которые, по свидетельству очевидцев, имели светлые волосы и «расположением лица» были «ближе к европейцам», нежели к своим сородичам<sup>8</sup>.

И по вопросу об открытии Камчатки тоже нет единодушия среди наших исследователей. Проникновение русских на этот полуостров, как известно, носило постепенный, «ступенчатый» характер и фиксируется лишь источниками второй половины XVII в. Согласно им, первым до Камчатки будто бы добрался казак Иван Камчатый в 1658 г., увековечив таким образом своё прозвище в названии полуострова. В 1662 г., совершив плавание по маршруту Семёна Дежнёва, в устье реки Камчатки вышел казак Иван Рубец. В 1693–1694 гг., а потом и в 1696 г. «сухим путём» (через перешеек) на полуостров проникали казаки Иван Голыгин и Лука Старицын Морозко. А в 1697–1699 гг. его вдоль и поперёк прошёл казачий пятидесятник Владимир Атласов, собственно, и положивший начало присоединению Камчатки к России<sup>9</sup>. Однако некоторые исследователи не рассматривают эти события в связи с историей географических открытий и, опираясь на ряд косвенных данных, приходят к заключению, что во время всё того же плавания вокруг Чукотского полуострова в 1648 г. спутники С. Дежнёва Федот Алексеев и Герасим Анкудинов «с товарищи» были отнесены бурей на Камчатку, где вскоре и погибли. «Следовательно, – пишет известный исследователь истории географических открытий И.П. Магидович, – *открыли Камчатку они*, а не позднейшие землепроходцы, пришедшие на полуостров в конце XVII века»<sup>10</sup>.

Наконец, о Семёне Ивановиче Дежнёве прочно закрепилось представление как о человеке, доказавшем наличие пролива между Америкой и Азией и первым из европейцев прошедшем по нему. В литературе можно даже встретить мнение о несправедливости нынешнего наименования этого пролива, поскольку Беринг прошёл им в 1728 г., т.е. через 80 лет после Дежнёва (одна из глав книги географа и писателя Игоря Забелина о русских землепроходцах так и называется – «Берега несправедливости»)<sup>11</sup>. Но существует ещё одно мнение на

<sup>6</sup> Ефимов А.В. Из истории... С. 209–213.

<sup>7</sup> Фёдорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1967 г. М., 1971. С. 46–96; История Русской Америки (1732–1867). В 3 т. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). М., 1997. С. 19–21, 31–33 (автор соответствующих разделов – Б.П. Полевой).

<sup>8</sup> Фёдорова С.Г. Указ. соч. С. 64.

<sup>9</sup> История Русской Америки. Т. 1. С. 34–35; Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 55–107; Зувев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 226–229.

<sup>10</sup> Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967. С. 265 (выделено автором). Подробнее историографию вопроса см.: Толкачева Н.В. Современная отечественная историография о присоединении, освоении Камчатки и истории её коренных народов // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2007. № 2.

<sup>11</sup> Оглоблин Н. Семён Дежнёв (1638–1671). Новые данные и пересмотр старых // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Декабрь. С. 272, 284; Забелин И. Встречи, которых не было. М., 1968. С. 141–248.

этот счёт. Оно, в частности, высказано известным чукотским писателем Юрием Рытхэу в романе «Айвангу». Главный герой этой книги говорит, что задолго до Дежнёва его предки знали о существовании пролива, добавляя, что он никогда не понимал, как можно открывать земли, населённые людьми. У Рытхэу немало единомышленников, которые считают, что открыть можно лишь необитаемые земли. А если же на них давно живут люди, то они и являются их первооткрывателями, а иной подход к вопросу означает деление народов на «исторические» и «неисторические». Стало быть, и Америку открыли не викинги, не Колумб, а предки индейцев и эскимосов<sup>12</sup>.

Конечно, если придерживаться такой точки зрения (я бы назвал её если не демагогической, то обструкционистской), то потеряют всякий смысл рассуждения о географических открытиях позднего Средневековья и Раннего Нового времени, т.е. как раз того периода, который принято называть «эпохой Великих географических открытий» (XV–XVII вв.). Между тем, это одна из ярчайших, пусть во многом драматических, страниц мировой истории, достойная не только тщательного изучения, но и объективных, справедливых оценок деятельности людей, расширявших и преумножавших (нередко ценой своих жизней) знания человека об окружающем его мире.

Ясно, что в основе расхождений в этих оценках – чаще всего различное восприятие и толкование самого понятия «географическое открытие». В литературе я не нашёл его достаточно чётких критериев и дефиниций, а они необходимы. Как выразился французский философ XVII в. Рене Декарт, «определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет». Полагаю, что в нашем случае прежде всего следует разграничить понятие *открытие* географического объекта и его *перводостижение*, ибо это далеко не всегда одно и то же. Попытку такого разграничения в своё время предпринял член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов, но на практике сам же эти понятия порой смешивал, оставив вопрос нерешённым<sup>13</sup>.

Открыть – значит сделать неизвестное известным. И если исходить из этого постулата, то открытие какого-либо географического объекта предполагает, что он стал известным не только тому, кто его впервые обнаружил, но и другим – пусть и не всему миру, но хотя бы своей стране, своему социокультурному кругу. Поэтому в случаях, когда об обнаружении новых земель никто не узнал, кроме обнаружившего их, то это должно считаться не географическим открытием, а лишь перводостижением. Именно к перводостижению могли быть причастны Федот Алексеев с Герасимом Анкудиновым, если они в самом деле в 1648 г. были выброшены бурей на побережье Камчатки, и те русские люди, которые, возможно, попали на Аляску задолго до Беринга и там закончили свои дни, не сообщив на родину о своих злоключениях, и те мореходы, которые ещё в XVII в. обогнули мыс Челюскин и вскоре там погибли.

Ещё один важный момент. Рассуждая о термине «географическое открытие», некоторые исследователи вполне, как мне кажется, резонно замечают, что с ним должно быть связано не только *обнаружение* какой-то ранее неизвестной земли, но и установление с ней постоянных контактов, систематических связей. Следовательно, ни подтверждённое археологами достижение той же Америки викингами, ни гипотетические плавания к её берегам представителей других народов до Колумба не могут считаться открытием Америки. А вот экс-

<sup>12</sup> Ефимов А.В. Из истории... С. 17–18.

<sup>13</sup> Там же. С. 16–17.

педициями Колумба, как писал А.В. Ефимов, было «положено начало широким связям народов Америки и неамериканских стран, колонизации Америки европейцами», и тем самым был открыт «новый этап в истории Америки и мировой истории»<sup>14</sup>.

Однако даже если мы примем такие критерии понятия «географическое открытие», останется немало вопросов, касающихся *оценки* значения тех или иных достижений в изучении и освоении человеком планеты Земля. Если, скажем, географические открытия китайцев, арабов или русских остались известны лишь китайцам, арабам или русским, имели ли эти события *мировое* значение? Сопоставимы ли они по своей значимости с географическими открытиями западноевропейцев в XV–XVII вв.?

Полагаю, что в том случае, когда знания о ранее неизвестных землях не выходят за пределы отдельных стран, мы имеем дело с открытиями *регионально-го* характера и уровня, а если сведения о новых землях становятся достоянием ведущих государств Западной Европы, речь может идти об открытиях *мирового* уровня и всемирно-исторического значения. И дело здесь, конечно, не в делении народов на «исторические» и «неисторические», не в европоцентризме как идеологии и восприятию исторических процессов. Просто надо признать и спокойно воспринимать тот факт, что были и есть страны и народы, которые в силу тех или иных обстоятельств опережают других в своём социально-экономическом развитии. Такими являлись народы ведущих западноевропейских государств, уже в XV в. прочно вставших на путь научно-технического прогресса. География у них развивалась успешно, превращаясь в подлинную науку, картография превосходила картографию неевропейских стран. А главное, благодаря интенсивному развитию системы высшего образования (университеты), коммуникаций, международных связей и интенсивной публикаторской деятельности (включая издание карт типографским способом), получаемые европейцами сведения географического характера быстро становились достоянием всех цивилизованных стран и в конечном итоге – всего мира. Таким образом, географические открытия Средневековья и Нового времени лишь тогда приобретали мировое значение, когда становились известными в Западной Европе.

Так что упомянутый выше спор о том, кто открыл морской путь в Россию в обход Скандинавского полуострова, должен, наверное, решаться в пользу англичан, поскольку им, судя по всему, о ранее предпринимавшихся русскими плаваниях из Белого моря в страны Западной Европы было неизвестно. К тому же лишь после того, как корабль английского мореплавателя Ченслера в 1553 г. бросил якорь в устье Северной Двины, были установлены регулярные торговые связи России через вскоре построенный Архангельск с ведущими западноевропейскими странами. Конечно, географические открытия могут забываться и совершаться повторно. Но здесь явно не тот случай.

Теперь посмотрим, как в той же связи следует оценивать деятельность русских землепроходцев на севере Азии в XVII в. Приводили ли их походы к географическим открытиям в *полном* значении слова? А если приводили, то какого уровня и значения были эти открытия – регионального или мирового?

Один из главных итогов деятельности русских служилых и промышленных людей в Сибири несомненен: всего за одно столетие, с конца XVI по конец

<sup>14</sup> Там же. С. 17.

XVII в., были получены достоверные сведения географического и этнографического характера, ранее неизвестные ни в России, ни тем более в Западной Европе. На западноевропейских картах до XVI в. эта территория была обозначена либо сплошным белым пятном, либо надписью «Тартария», а сочинения европейских географов содержали об этой «стране мрака» главным образом небылицы, населяя её различными чудовищами – людьми с лицами на груди, козлоногими, одноногими, одноглазыми, собакоголовыми и т.д.<sup>15</sup> Русские авторы в этом отношении мало чем отличались от западноевропейских, и пример тому – «Сказание о человецех незнаемых», написанное, вероятно всего, в последней четверти XV в. и тоже представлявшее сибирские народы («самоядь») в виде каких-то монстров со ртами на темени, засыпающих («умирающих») на зиму подобно лягушкам или медведям<sup>16</sup>.

Но по мере продвижения русских «встречь солнца» в делопроизводительной документации Московского государства стала множиться и стекаться в столицу информация о реально существующих сибирских реках (Оби, Енисее, Лене, Яне, Индигирке, Колыме, Анадыре, Амуре) и главных их притоках; об озере-море Байкал; о населяющих сибирские земли народах – вогулах, остяках, тунгусах, якутах, коряках, чукчах, камчадалах, даурах, дючерах, гиляках, об особенностях их образа жизни. Появилось много русских «чертежей» (карт) сибирских земель со всё более приближающимся к реальности очертаниями рек и озёр, горных хребтов, островов и морского побережья, с указаниями местонахождения построенных русскими городов, острогов и зимовий, волоков между речными бассейнами, с обозначением мест расселения тех или иных народов<sup>17</sup>.

Конечно, по сравнению с западноевропейскими картами той поры, русские «чертежи» крайне несовершенны: в них отсутствует градусная сетка, не выдерживается масштаб, расстояние чаще всего указано не «в вёрстах» а «в днях пути». В «сводных чертежах», где предпринимались попытки охватить всю Сибирь, встречались и грубые ошибки: например, реки Лена и Колыма в них показаны впадающими не в Северный Ледовитый, а в Тихий океан. Однако для практических нужд как сибирской, так и московской администраций эти «чертежи» были вполне пригодны, ибо опирались на *реальные* знания.

Надо отметить особую тщательность и добросовестность работы самодеятельных русских картографов над «чертежами» отдельных сибирских земель. Она высоко оценивалась исследователями Сибири даже в XIX и XX вв. Так, знаменитый путешественник и естествоиспытатель А.Ф. Миддендорф в середине XIX в. отмечал, что из некоторых сибирских «чертежей» XVII в. «можно почерпнуть кое-что для улучшения даже новейших карт России», и на собственном опыте убедился, что в Сибири порой вместо измерения расстояния в вёрстах удобнее было «возвратиться к первобытному, хотя и неточному, но не испорченному счёту днями пути»<sup>18</sup>. Показателен также случай, описанный советским географом В.Н. Скалоном. Исследуя в 1929 г. р. Таз, впадающую в Обь-

<sup>15</sup> Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. С. 13.

<sup>16</sup> На стыке континентов и судеб (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах). Ч. 1. Екатеринбург, 1996. С. 31–32.

<sup>17</sup> Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М.; Л., 1960. С. 19–65, 68–71, 150–160; Лебедев Д.М. География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории исторических знаний. М.; Л., 1949. С. 42–93.

<sup>18</sup> Цит. по: Лебедев Д.М. Указ. соч. С. 31.

скую губу, он обнаружил, казалось бы, невероятное: «чертежи XVII века стояли ближе к действительности, чем те, что были выпущены два века спустя»<sup>19</sup>.

Понимали ли причастные к созданию таких «чертежей» землепроходцы, что совершают географическое открытие? В большинстве они, конечно, вряд ли задавались подобными вопросами, поскольку решали задачи сугубо практического характера: «проведывание» и приведение «под высокую государеву руку» новых «землиц», добыча пушнины, моржовой кости, поиски руд и т.д. Люди это были в основном простые, чаще всего неграмотные. Да и у достаточно образованных в то время не было принято ведение дневников, путевых записей или написание мемуаров, где можно было бы изложить оценки произошедшего вне зависимости от поставленных начальством задач. Поэтому дошедшие до нас отчёты землепроходцев о результатах экспедиций носят предельно лаконичный, деловой характер. Но иногда там всё же проскальзывают фразы, показывающие, что представление о важности свершаемых дел и понятия о приоритете их авторам (или хотя бы части их) были присущи. «А преж, государь, меня в тех местах никакой русский человек не бывал», «преж меня на тех тяжелых службах... не бывал никто», «и наперед де сего... на той реке русских людей никого не бывало», «проведал тое реку я, холоп твой», – писали иногда в Москву сибирские служилые люди<sup>20</sup>.

Но в данном случае для нас важнее другой вопрос: знали ли об этих открытиях в Западной Европе? То есть: какое значение для географии как науки имели открытия русских землепроходцев – региональное или мировое?

Мы знаем, что московская администрация старалась держать поступающие к ней сведения о «проведанных» за Уралом «землицах» в тайне (так же, например, стремились скрыть от «чужих глаз» свои открытия и испанцы), но, тем не менее, сведения эти в Западную Европу поступали – в весьма значительном и всё возрастающем с течением времени объёме. Оказалось, что коррупция, будучи и в XVII в. неременным атрибутом деятельности московских властей, могла работать и на благо, по крайней мере, на благо географической науки. За взятки или просто «по дружбе» бывавшие в России иностранцы переписывали и затем переводили на свой язык «расспросные речи», «отписки», «скаски» русских землепроходцев, а также составленные на основе таких документов «рописи», «дорожники», копировали и переносили на свои карты русские «чертежи». Посланцев просвещённой Европы тогда очень интересовала возможность проникнуть через Сибирь в Китай, подобно тому, как они ещё в XVI в. через русские владения и с русской помощью проложили себе торговые пути в Среднюю Азию и Персию<sup>21</sup>. Поэтому в трудах западноевропейских географов и картографов XVII в. нашли отражение результаты практически всех сколько-нибудь значимых русских экспедиций в Сибири того времени, в том числе выход Москвитина к Тихому океану, плавание Дежнёва вокруг Чукотского полуострова, походы Пояркова на Амур и Атласова на Камчатку. И с особым

<sup>19</sup> Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. Новосибирск, 2005. С. 59.

<sup>20</sup> Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 83; Скалон В.Н. Указ. соч. С. 47; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 80–81.

<sup>21</sup> См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. [Л., 1937]. С. 165–285.

вниманием учёный мир Европы, естественно, относился к сведениям о русских посольствах в Китай<sup>22</sup>.

Как справедливо заметил А.В. Ефимов, «карты Сибири XVII–XVIII вв., составленные иностранцами, являются по существу русскими, так как воспроизводят данные карт России»<sup>23</sup>. Но надо иметь в виду, что при копировании русских «чертежей» на западноевропейские карты, помимо реальных вещей, попадали не только допускаемые русскими неточности, но и собственные ошибки, обусловленные плохим знанием (или незнанием) русского языка. Иногда они довольно забавны. Так, в конце XVII в. голландским географом Н. Витсеном была составлена большая карта, которая, по общему признанию, наряду с его трудом «Северная и Восточная Татария», явилась вершиной достижений европейской науки XVII в. в изучении Северной Азии (некоторые исследователи сравнивали работу Витсена с открытиями Колумба). Но на этой карте встречаются довольно странные «топонимы»: «провинции» с названиями «Wostock» и «Otsel poshel» (так была понята надпись на русской карте «Отсель пошел Амур»), или, например, слово «Wolock» в качестве названия сибирской реки и некоторые другие несуровости<sup>24</sup>.

Сам Витсен (ничуть, кстати, не скрывавший, что пользовался русскими источниками) был далёк от мысли, что его труды свободны от ошибок. Однако, несмотря на всякого рода картографические и географические курьёзы, благодаря русским Западная Европа получала в целом вполне достоверные сведения о Сибири и пользовалась этой информацией не только в XVII, но и в XVIII в., свидетельством чего, в частности, служит третье, посмертное, издание упомянутого труда Н. Витсена, вышедшее в 1785 г.<sup>25</sup> Накопленные землепроходцами сведения, как верно заметил В.Г. Мирзоев, «стали фундаментом всего последующего знания о Сибири»<sup>26</sup>, в том числе – добытого в ходе Камчатских экспедиций: Первой (1725–1729 гг.) и Второй, или Великой Северной (1733–1743 гг.), в результате которых были исследованы с использованием новейших правил геодезии и картографии все примыкавшие к российским владениям берега Северного Ледовитого и Тихого океанов, Камчатка и открыт путь в Японию.

Один из главных героев этой эпопеи, Витус Беринг, на мой взгляд, вполне заслуженно считается первооткрывателем пролива между Америкой и Азией. Именно *пролива*, а не просто возможности плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий, которую доказал Семён Дежнёв, ничего не знавший об Америке. Примечательно, однако, что ещё до начала экспедиции, в 1725 г., Беринг уже располагал информацией о проделанном Дежнёвым пути из устья Колымы до устья Анадыря, ссылаясь в одном из своих писем на свидетельства неких «азиатских карт» и рассказы местных жителей<sup>27</sup>. И это, конечно, не единственный пример использования участниками «Камчатских экспедиций» знаний, добытых землепроходцами XVII в. Ещё А.П. Щапов, самый яркий представитель «демократического» направления в сибирской историографии XIX в., был убеждён в том, что «если бы не было этих предварительных географических

<sup>22</sup> Ефимов А.В. Из истории... С. 116–122; Лебедев Д.М. Указ. соч. С. 103–105, 165–174; Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 87–88.

<sup>23</sup> Ефимов А.В. Введение. С. VII.

<sup>24</sup> Андреев А.И. Указ. соч. С. 91.

<sup>25</sup> Полевой Б.П. О картах Северной Азии Н.К. Витсена // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1973. № 2. С. 125–134.

<sup>26</sup> Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 88.

<sup>27</sup> Самойлов В.А. Семён Дежнёв и его время. М., 1945. С. 106.

открытий в Сибири и на Ледовитом океане, то не было бы, может быть, и всех этих знаменитых учёных экспедиций XVIII в.»<sup>28</sup>. Вывод советских историков был более однозначен: «изыскания академиков XVIII в. базировались на предшествующие поиски и опыты служилых людей XVII столетия»<sup>29</sup>.

В историографии к деятельности русских землепроходцев складывалось разное отношение. Не обошлось и без крайностей. Одним исследователям было свойственно игнорирование её научной значимости, другим, напротив, — идеализация землепроходцев и преувеличение их вклада в мировую науку. Среди «скептиков» встречались как дореволюционные авторы (П.А. Словцов, Н.М. Ядринцев, П. Головачёв, А.Н. Пыпин), так и советские (М.А. Дьяконов, С.А. Токарев): они считали, что изучение Сибири по сути дела началось только в XVIII в.<sup>30</sup> Противоположную точку зрения, идеализировавшую землепроходцев, отстаивали не только географы, позицию которых можно объяснить (и извинить) отсутствием соответствующего образования, но и некоторые профессиональные историки. Например, известный исследователь истории арктических плаваний М.И. Белов поставил Дежнёва в один ряд с Колумбом и Магелланом<sup>31</sup>, с чем, конечно же, нельзя согласиться. «Подтягивание» Дежнёва до уровня мореплавателей, перевернувших представления современников о мире и во многом изменивших сам мир, выглядит несерьёзно. Дежнёв занимает в истории географических открытий пусть и более скромное, но тоже весьма почётное место. То, что «Новый свет является самостоятельным континентом», его экспедицией, вопреки утверждению М.И. Белова, не могло считаться доказанным уже потому, что к тому времени ещё не была исследована Камчатка, и исключать соединения Азии с Америкой в этом регионе было нельзя. Однако установление возможности прохода из Северного Ледовитого океана («Студёного моря») в Тихий океан («Пенжинское», или «Ламское море») явилось для того времени важным открытием, заметно повлиявшим на ход колониционных процессов в Сибири. Узнав о достижении её естественных пределов на северо-востоке, о том, что «матёрая земля», образовав там огромный выступ («большой каменный нос»), круто уходит на юг («под лето»), землепроходцы сосредоточились на южных направлениях, что позволило русским в кратчайшие сроки освоить побережье Охотского моря, а затем перейти и на Камчатку.

Более взвешенная и объективная оценка деятельности землепроходцев была распространена в отечественной историографии гораздо шире (по крайней мере, до 1990-х гг., отмеченных тенденцией к дегероизации русской истории) и тоже имеет давнюю традицию. Позиция её сторонников выглядит убедительнее, чем у «скептиков» и «идеалистов», ибо, с одной стороны, строится на учёте характера (и ментальности) эпохи, а с другой — на простом постулате, согласно которому о заслугах исторического деятеля надо судить по тому, что он дал нового в сравнении с предшественниками, а не по тому, что он должен был дать, исходя из современных требований.

Образцом таких оценок можно считать высказывания классика нашего сибиреведения С.В. Бахрушина. Он был далёк от идеализации служилых и промышленных людей XVII в. (чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть его книгу «Казачья жизнь на Амуре» или «Очерки по истории Красноярского уезда»),

<sup>28</sup> Цит. по: Скалон В.Н. Указ. соч. С. 29.

<sup>29</sup> Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 433.

<sup>30</sup> Скалон В.Н. Указ. соч. С. 26–27.

<sup>31</sup> Белов М.И. Семён Дежнёв. М., 1948. С. 5.

и в то же время признавал, что русское продвижение на восток «имело исключительное значение в истории ознакомления европейской науки с Азиатским материком. Если бы не мужество и упорство русских промышленников и служилых людей, громадное пространство земель от Лены до Тихого океана и от Ледовитого океана до Приамурья оставалось бы ещё на долгое время так же недоступно для науки, как были закрыты для неё до XIX в. истоки Нила в Центральной Африке. Русские не только открыли неведомые до той поры территории, но сразу же описали их в рамках тех возможностей, какими обладала тогда русская наука»<sup>32</sup>.

Для крупнейшего специалиста по истории западноевропейской литературы XIII–XVII вв. М.П. Алексеева тоже было совершенно ясно, что «именно русские открыли европейцам северную Азию – через посредство иноземцев, бывавших в Москве... Они осветили далёкие северные просторы, оказав самое значительное влияние на развитие познания земли»<sup>33</sup>.

Авторитетный исследователь сибирской историографии В.Г. Мирзоев уделял пристальное внимание вкладу землепроходцев в изучение северной Азии. Он считал их «людьми, обладающими большим природным умом, жизненным опытом, закалёнными в борьбе, проникнутыми жаждой предприимчивости и духом любознательности». По его мнению, «всё то, что можно было увидеть и услышать, а также понять (без специальной профессиональной подготовки) в области географии, этнографии, геологии, ботаники, зоологии и т.п., было замечено и зафиксировано землепроходцами. В этом смысле можно говорить о научной ценности их “отписок”». Мирзоев отдаёт должное и представителям царской администрации: по его мнению, «в их наказах людям, отправляющимся “проведывать новые землицы”, содержался весьма подробный в научном смысле слова перечень сведений, какими интересовались власти в самых различных областях жизни и экономики». Потому-то составленные во исполнение этих «наказов» документы «всесторонне охватывают всё многообразие явлений», наблюдаемых тогда в Сибири. Общий итог деятельности землепроходцев в изложении В.Г. Мирзоева таков: «Землепроходцы широко раздвинули рамки познаний человечества о мире и оставили последующим поколениям не только задачи дальнейшего освоения Сибири, но и массу документального материала о ней, в отдельных случаях не потерявшего своего значения и по настоящее время»<sup>34</sup>.

Сложнее обстоит дело с анализом работ западноевропейских исследователей. А.В. Ефимовым ещё в 1960-е гг. было высказано и по сей день широко распространённое у нас мнение: «в зарубежной литературе русские географические открытия XVII–XVIII вв. не нашли должного отражения и оценки»<sup>35</sup>. Но оно излишне категорично. Среди зарубежных авторов, конечно, встречаются те, кто, подобно американцу Ф. Гольдеру, склонен к преуменьшению и даже полному отрицанию вклада русских землепроходцев в мировую науку, но за рубежом немало и вполне объективно и даже доброжелательно настроенных к русским первопроходцам исследовате-

<sup>32</sup> Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 236.

<sup>33</sup> Алексеев М.П. Указ соч. С. LII.

<sup>34</sup> Мирзоев В.Г. Указ. соч. С. 76–77, 86.

<sup>35</sup> Ефимов А.В. Введение. С. XI.

лей<sup>36</sup>. Среди них английский историк Дж. Бейкер, писавший: «К концу целого столетия географических исследований русские выявили важнейшие географические черты Северной Азии... Достижения русских были замечательны и если не носили строго научного характера, то по размаху и точности наблюдений выдерживают в свою пользу сравнение с работой французов в Северной Америке в ту же эпоху». Характеризуя же *в целом* деятельность русских землепроходцев, Бейкер отмечает, что «на долю этого безвестного воинства достаётся такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ»<sup>37</sup>.

Резюмирую свои рассуждения: в XVII в. русскими первопроходцами на севере Азии были совершены географические открытия, которые, рассуждая в любых категориях, следует признать имеющими мировое значение.

---

<sup>36</sup> Чернавская В.Н. Великие русские географические открытия на северо-востоке Азии в XVII–XVIII веках в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток, 1994. С. 143–164; она же. Англоязычная историография и вопросы открытия и освоения русского Дальнего Востока (XVII – первая половина XIX в.) // Там же. Т. 2. Владивосток, 1995. С. 210–230.

<sup>37</sup> Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950. С. 234–235.

---

## **Страстной монастырь в XVII–XX вв.: пространственная эволюция и виртуальная реконструкция**

*Леонид Бородин*

### **Strastnoy monastery from the sixteenth through the twentieth centuries: spatial evolution and its virtual reconstruction**

*Leonid Borodkin (Lomonosov Moscow State University, Russia)*

Историческая урбанистика (или городская история) с 1970-х гг. развивалась преимущественно в рамках социальной истории, концентрируясь на изучении городских социальных групп, сетей и структур. В соответствии со сложившейся практикой эта дисциплина изучает историю не столько городов, сколько живших в городах людей и события, которые там происходили<sup>1</sup>. Уход от «биографий городов» к социальной истории имеет и негативные стороны. «Слишком часто стремление историков к обобщениям затемняло пространственную и географическую специфику конкретных городов»<sup>2</sup>. В результате исследования подобного рода (анализ эволюции городской архитектуры, функциональной

---

© 2016 г. Л.И. Бородин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 14-18-03473.

<sup>1</sup> Биттнер С. Куда идёт историческая урбанистика? // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 33.

<sup>2</sup> Там же.